

УДК 94(47).02
DOI 10.52452/19931778_2021_4_43

«СТАРШИНСТВО» РУССКИХ КНЯЗЕЙ – ВОПРОС ПОЛИТИКИ ИЛИ УСТРОЙСТВА СЕМЬИ?

© 2021 г.

М.Л. Лавренченко

Музей архитектуры им. А.В. Щусева, Москва

lavrenchenko1@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.03.2021

Автор рассматривает вопрос о соотношении семейного и государственного во взаимодействии Рюриковичей домонгольского периода. Несмотря на то что феодальная теория была подвергнута значительной критике на рубеже XX–XXI вв., отдельные ее аспекты прочно вошли в методологию изучения средневековой Руси. Между тем рассмотрение особенностей отношений князей правящей династии в этот период не дает убедительных доказательств ни существования жесткой иерархии, выходящей за рамки внутрисемейных отношений покровительства и взаимопомощи, ни других элементов, характеризующих феодальное общество, хотя многие детали сближают эти отношения с западными аналогами. Уникальность же семейного правления Рюриковичей заключается в том, что все князья были связаны между собой, а не только с верховным правителем, горизонтальная направленность отношений служила поддержанию баланса между отдельными ветвями Рюриковичей.

Ключевые слова: древнерусские князья, Древняя Русь, вассальные связи, родство, группы родственников, социальные практики, изучение обрядов, Киевская летопись.

Семейные дела и отношения власти наиболее часто интересуют средневекового историографа, но их переплетение не всегда удается легко распутать при чтении его труда. Именно с этим связаны многочисленные противоречия во взглядах историков, которые поднимают проблематику социальной жизни элит. Применительно к истории домонгольской Руси эти исследования осложняются еще и известной политизированностью историографии. Еще в начале XIX в. среди ученых выделились две группы, одна из которых видела в развитии древнерусского общества черты, в большинстве своем схожие с европейскими [1, с. 201; 2, с. 19], другая утверждала его уникальность [3; 4, с. 500–502]. Согласно первой, дореволюционная политическая система в России отошла от первоначального вектора развития; вторая, наоборот, объясняла и оправдывала ее особенности. Так знаменитый спор «западников» и «славянофилов» расколол и историческое общество. Это разделение было отнюдь не линейным, среди последних были и те, кто поддерживал теорию общеевропейского пути развития домонгольской Руси. Научная конфронтация стимулировала поиск релевантных критериев сравнения, которые помогли бы в сборе необходимой аргументации и ее детализации. На этом пути историки отвлеклись от собственного материала и обратились к сфере юрисдикции и социологии, введя в оборот научной дискуссии

концепт феодального государства. Одним из первых досоветских приверженцев использования этого концепта стал Н.П. Павлов-Сильванский, выделивший несколько важнейших признаков феодализма: 1) разделение страны на несколько независимых и полунезависимых владений (доменов – сеньорий); 2) объединение этих владений вассальными связями. Как результат, в такой системе управления верховная власть раздроблена, а важнейшим политическим механизмом становятся частные союзы [2, с. 71].

Использование моделей и терминов феодальной теории для объяснения фактов древнерусской истории вызвало негативную реакцию многих исследователей «охранительного» лагеря. В послереволюционной исторической науке феодализм из глубоко оппозиционной превратился в фактически единственную официальную концепцию, став при этом частью сначала марксистской, а затем – марксистско-ленинской философии. Первые шаги нового утверждения этой концепции можно найти в работах С.В. Юшкова и Б.Д. Грекова, финальное осмысление она получила в труде М.Б. Свердлова «Генезис и структура феодального общества в Древней Руси». После Перестройки историки значительно реже стали обращаться к этой теории, а в случае использования делали это лишь фрагментарно, для объяснения определенного исторического эпизода в своей работе, при этом многие ее важные элементы уже без

упоминания самого феодализма перекочевали в исследования 1990-х гг. и даже более поздние.

При рассмотрении отношений Рюриковичей домонгольского времени М.Б. Свердлов отмечает, что князь имел обязанности сюзерена, «стоял во главе иерархически организованного господствующего класса» [5, с. 194], был самым крупным землевладельцем, в течение этого периода наблюдаются следующие особенности: рост численности этого «господствующего класса», рост «эксплуатации непосредственных производителей», развитие вассалитета [5, с. 194–195]. Однако исследователь с сожалением отмечает, что период до XIII в. не дает достаточной информации. Остается лишь предполагать, что множество найденных актов княжеских печатей – единственный свидетель вассально-ленных документов прошлого [5, с. 196]. Других доказательств действительно нет: на основании предоставленных летописью и берестяными грамотами сведений можно с уверенностью утверждать лишь существование княжеских да-ней, что, в общем, не только не подтверждает вышеуказанные тезисы, но даже и не говорит о существовании государственных институтов.

С той же проблемой отсутствия документального подтверждения феодализма в средневековой Руси столкнулся ранее Н.П. Павлов-Сильванский. Чтобы выйти из положения, он комбинировал выводы исследователей о принципах действия властных механизмов Англии и Франции в период Средневековья с русскими грамотами XIV в., а чаще – XV в. Так, он сравнивал отношения с сюзереном вассала и «древнейшего дружинника, нашего удельного боярина» [2, с. 99], приводя в качестве примера часть договора Дмитрия Донского и Владимира Андреевича (двух русских князей) 1389 г.: «А коли ми будет самому всести на конь, а тебе со мною, или ты куды пошлю, и твои бояре с тобою» (курсив Н.П. Павлова-Сильванского) [2, с. 2; 6, с. 32]. Однако и сам автор тут же подмечает разницу даже между этими двумя и без того очень отдаленными хронологически социальными группами, опираясь на наблюдения Б.Н. Чичерина: в западных средневековых государствах это была «наследственная, постоянная» служба, на Руси – временная.

Расплывчатость формулировок, которыми оперируют апологеты феодальной теории, не дает возможности детализировать полемику. Например, один из важнейших аргументов – «раздробленность» русских земель – носит презентистский характер, предполагающий изначальную цельность государства Владимира Святославича и Ярослава Владимировича, что не может быть ни подтверждено, ни опровергну-

то. Как можно видеть, исследователи используют различные термины, когда говорят о форме управления домонгольского периода: «русские земли», «Древнерусское государство», «Киевская Русь», «княжеский период», что уже свидетельствует об отсутствии единого мнения по этому вопросу. Представление о современном государстве с единой системой управления и четкими границами относится к началу Нового времени, а утверждение схожести или различия европейских и древнерусских реалий Средневековья должно основываться на более детальной аргументации. В древнейших русских летописях владения князей обозначены по их центральному городу – княжескому столу (это, например, Киев, Чернигов, Суздаль). Такое обозначение могло подразумевать и сам город, и его жителей, однако о границах владений в их феодальном понимании речи не идет, хотя изредка упоминаются пограничные конфликты.

Известно, что различные русские земли часто находились во враждебных отношениях друг с другом; например, можно вспомнить осаду Новгорода суздальским войском под руководством Андрея Юрьевича (Боголюбского) в 1170 г. Отдельные княжества могли проводить не только не согласованную, но и противоположную внешнюю политику (единая внешняя политика – важный признак единого государства): известно, что Изяслав и Ростислав Мстиславичи были в тесном союзе с венгерским королем Гезой II, в то время как их дядя, Юрий Владимирович (Долгорукий), был близок с Византией, находившейся в состоянии войны с Венгрией в конце 1140-х – начале 1150-х гг. [7, с. 169, 172, 179]. Похожими были отношения князей домонгольского периода с половцами: в то время как одна ветвь династии Рюриковичей поддерживала отношения с определенными половецкими родами, другие с ними воевали [8, с. 250]. И то, и другое политическое направление не исключали совместных действий (в которых нередко участвовали и западноевропейские правители, и кочевники), как, например, польский поход Игоря и Святослава Ольговичей, причем мы видим, что некоторые князья могли уклониться от участия, если это шло вразрез с их личной политикой, как это сделал Изяслав Мстиславич [9, с. 318].

Важнейшим фактором, объединившим русские земли в этот период, была принадлежность всех князей к династии Рюриковичей. Говоря об отношениях правящих элит в западноевропейских государствах, исследователи подчеркивают личный характер отношений, который проявлялся в том, что каждый вассал персонально присягал сюзерену, и эта связь налагала опре-

деленные военные и экономические обязательства [10, р. 102–135]. В домонгольской Руси эти личные связи были даны изначально, имели иную – родственную природу, а практика договорных соглашений развивалась как дополняющий механизм, консолидирующий стороны в момент конфликта или облегчавший заключение мира. Такой уклад частично помогал избежать тяжелых последствий «перезагрузки» при смене центрального правителя – даже пришедший с помощью военной силы новый киевский князь имел многочисленные родственные и собственные связи с остальными Рюриковичами.

Говоря о вассально-ленных отношениях как о неотъемлемом аспекте феодализма, Н.П. Павлов-Сильванский подчеркивал, что они имели иерархическую структуру. Существует две возможности увидеть вассально-ленную «лестницу» в домонгольской Руси: считать «вассалами» (1) бояр или (2) князей, не занимавших киевский стол. Первой версии, скорее, придерживался сам Н.П. Павлов-Сильванский, но древнейшие летописи дают мало информации о том, какими именно были личные отношения между князем и боярином, нет сведений и о какой-либо выраженной иерархии среди бояр. Исследования П.С. Стефановича показывают, что бояре не только легко переходили от одного князя к другому, но и не приносили клятвы верности [11, с. 183–186, 250–260], в летописи они чаще всего предстают как представители города или как дружинники князя, что подразумевает несколько иной статус. Вторая версия дает больше возможностей для размышления, так как летописный материал богат на подробности отношений между князьями. Здесь, однако, сразу возникает видимое противоречие с тем, что все русские князья равны с точки зрения титулатуры, наиболее чутко реагирующей на возникновение иерархии в обществе.

Иной путь сравнения избрал А.В. Назаренко, который соединил некоторые элементы феодальной концепции и родовой теории С.М. Соловьева для объяснения княжеских отношений до начала – середины XII в. Семейное владение Рюриковичей он сопоставил с *corpus fratrum* Франкского королевства IX в., когда сыновья правителя разделяли отдельные земли между собой после его смерти, назвав такой тип правления «родовым сюзернитетом» [12, с. 500–501]. Однако разница заключается в том, что в домонгольской Руси такая система выдержала значительное число переделов и фактически продолжала существовать вплоть до начала XIII в., существенно не меняясь: любой Рюрикович рано или поздно мог претендовать как на стол своего отца, так и на Киевский стол,

т.е. «семейные» отношения так и не переросли в «государственные».

При рассмотрении отношений между Рюриковичами в рамках теории феодализма неизбежно возникают вопросы, может ли в принципе вассал быть прямым близким родственником сюзерена, правильно ли сформированную таким образом политическую элиту называть иерархически выстроенной. Изучая возможные варианты социального взаимодействия эпохи раннего и развитого Средневековья, Герд Альтхоф прямо противопоставляет отношения, основанные по принципу *вассальной службы*, где каждый имеет обязательства только по отношению к вышестоящему, и *родственные отношения*, в которых каждый из участников имеет взаимные обязательства по отношению ко всем остальным [10, с. 4, 160]. Таким образом, перед нами уже не условная «лестница», а, скорее, «паутина» со множеством переплетенных связей. Именно обязательства перед родственниками лежат в основе большинства средневековых конфликтов, причем объединение вокруг лидеров происходит по принципу кооперации, а не родства, противоборствующие группы могли включать сторонников, приобретенных различными способами [10, р. 23].

В летописных статьях, повествующих о домонгольском периоде, нет таких свидетельств иерархии Рюриковичей, которая бы явственно выходила за пределы семейных отношений и, тем более, выражалась бы в зафиксированной источником политической практике. Многие исследователи рассматривали в качестве признака такой иерархии термины родства «отец», «брат», «сын», которые использовали Рюриковичи во вторичном значении (по отношению к более дальнему родственнику) в диалогах между собой – этот факт брался на вооружение целым рядом марксистских историков. Однако, например, В.Т. Пашуто использовал этот аргумент в обобщениях, но отбрасывал его при детальном рассмотрении некоторых конкретных ситуаций [13, с. 54, 57]. В своей недавней статье мы постарались показать, что родовую лексику, использованную в непрямом значении в диалогах Рюриковичей домонгольского периода, невозможно рассматривать как маркер княжеской иерархии – в большинстве своем она употребляется в качестве обращений или в составе устойчивых выражений, близких к формулам (например, «плакать как по отцу», «быть в отца место») [14, с. 52–54]. Конечно, именно обращения зачастую выражают иерархию, сложившуюся внутри общества, однако в нашем случае речь идет об исторических лицах, которые принадлежали одной семье, были связаны друг с

другом многочисленными связями, что не могло не найти отражения в семейном этикете общения. Это наблюдение подкрепляется тем, что никакие другие слова в этом качестве не применяются. Сам по себе подход, приравнивающий *титуты*, своим происхождением обязанные придворным должностям, такие, как «рыцарь», «граф», и этикетные *семейные обращения* «отец», «брат», «сын», использованные по отношению к дальним родственникам и приобретающие, по мере отдаления степени родства, все большую метафоричность, является попыткой сопоставить явления разных плоскостей.

Если отказаться от него, то остается признать уникальность сложившихся в домонгольской Руси обстоятельств, когда взаимодействие правящей элиты происходило в рамках семейных отношений, при этом конкретные механизмы взаимодействия едины с западноевропейскими аналогами. К таким механизмам можно отнести личный характер договорных отношений, основа которых – доверие клятвам, важность ритуала (крестоцелования, пиры, дары). Функции младшего родственника на практике совпадают с теми, которые декларируются при принесении вассальной присяги в средневековой Западной Европе – совет и военная поддержка. Существенным отличием были именно те особенности, в которых открыто проявляется семейная составляющая: частые смены правителей на столах (в том числе в столице – Киеве) без «перекройки» остальной системы правления, опора на возраст, а не на происхождение и знатность рода в спорных вопросах, возможность упомянуть о родственниках в обязательствах практически на любом уровне и типе взаимодействия, значительное число конфликтов, основанных на мести за личный ущерб («обиду»), – усилия сторон направлены на их разрешение и выстраивание горизонтального баланса, где никто не оказался бы ущемленным.

В целом, подходя к вопросу о том, насколько выражена была иерархия в отношениях Рюриковичей, нужно отметить, что о вассально-ленных отношениях в западноевропейских государствах нет единого мнения. Традиционно идеальными отношениями такого рода считались те, которые передавались по наследству и, по сути, представляли собой сплав семейных и вассальных обязательств: выполняя обязанности по отношению к сыну того, кому служил отец человека, он показывал таким образом и почтение к своему собственному родителю [15, р. 173].

Важно, что детали таких отношений различались самым значительным образом: в одних случаях для вассала считалось позорным выйти в бой, где погиб его сюзерен, в других

ситуациях он даже не был обязан участвовать во всех им организованных мероприятиях. Некоторые исследователи, например Ларс Хермансон, причисляют и отношения в исландском средневековом обществе к вассально-ленным, в таком случае один «вассал» мог иметь нескольких «сюзеренов» – годи [16, р. 113], что не совсем обычно для развитого европейского Средневековья. В целом исследователи отмечают, что в деталях практики и родственного взаимодействия, и отношений службы очень стремительно меняются как хронологически, так и географически [17, р. 7–10], поэтому аргументации не могут служить отдаленные по времени и месту источники. Так, например, в конце XV в. во Франконии наблюдается значительное ослабление иерархичности общества, что проявилось в том, что из обращений знати полностью пропадают слова «рыцарь», «господин», «граф», наиболее употребительным становится термин «знатный» [18, р. 200–243].

Постоянные изменения происходят и в отношениях русских князей. Еще в конце XII в. лидеры отдельных ветвей Рюриковичей подчеркивали равенство множеством различных оборотов, в т.ч. частым использованием обращения «брат» по отношению к союзнику, но затем, в текстах договорных грамот сыновей и внуков Дмитрия Донского, обязательным элементом становится торжественное признание одного князя «братом старейшим», а другого «братом младшим» без учета возраста и родственной связи [6, с. 63, 65], что однозначно маркирует изменения в самой природе отношений. Однако и их нельзя назвать близкими к западноевропейскому типу, хотя иерархия здесь выражена, очевидно, значительно более существенно, чем в предшествующую эпоху.

В последнее время многие исследователи отвергают и саму идею существования феодализма в Западной Европе, рассматривая традиционно «феодальные» элементы как проявления более простых и разнообразных практик (например, получение феода может рассматриваться как элемент практики обмена дарами [16, р. 111]). Очень важно, что вассально-ленные, более широко – феодальные отношения, под каким бы углом они ни рассматривались, не были институтом, где действуют устойчивые правила, – скорее, это был набор стремительно меняющихся и чутко реагирующих на изменения в обществе практик, в которых важнейшей составляющей был ритуал, причем ориентированный в равной степени и на политическую, и на духовную реальность [16, с. 119].

Когда мы обращаемся к отношениям Рюриковичей домонгольского периода, мы в первую

очередь должны признать, что, опираясь на летописные известия, невозможно увидеть цельную княжескую иерархию: каждый правитель связан множественными связями не только с лидером своей княжеской линии, а через него – с киевским князем, но и с другими родственниками. В период конфликта эта структура усложняется дополнительными участниками. Не получается найти в это время и столь важной для феодального общества привязки правителя любого ранга к земле – наиболее известные ветви правящей династии пытались закрепить за собой определенные княжества: Ольговичи – Чернигов, Ростиславичи – Смоленск, но при этом активно привлекали других родственников участвовать во внутренней борьбе, порой один князь мог править в наиболее удаленных территориально городах (например, Роман Мстиславич был очень любим жителями Великого Новгорода, но затем уехал на юг и объединил Галицкое и Волынское княжества в одно; в Великом Новгороде и на юге действовал черниговский князь Ростислав Михайлович), то есть русские земли воспринимались как владение всей семьи на практике, а не только идейно. Невозможно найти и ясных свидетельств иерархии отдельных ветвей Рюриковичей, так как киевскими князьями попеременно становятся представители линий Мономаховичей и Ольговичей.

Чтобы дать характеристику семейным отношениям внутри правящего дома Рюриковичей, необходимо обратиться к вопросу о том, что, собственно, известно об обязанностях родственников (например, теряли ли силу обязательства с увеличением дальности родства).

Представлениям о семье в домонгольской Руси (а шире – у восточных славян) посвящено немало работ, хотя в этой области по-прежнему очень много белых пятен [19, с. 97–108; 20, с. 7–34, 21, с. 66–78]. Опираясь на древнейшие редакции Русской Правды, можно сказать, что существенную роль в жизни человека играли не только ближайшие родственники (отец, брат, сын), но и дядя, и двоюродный брат: они также имели право на кровную месть, отмененную уже сыновьями Ярослава Владимировича (но, несмотря на это, сохранившуюся в тексте источника) [22, с. 75, 104]. Также из берестяных грамот мы можем заключить, что брат матери играл существенную роль в жизни сестры и ее детей [23, с. 416–419, 422], что характерно для еще дохристианских традиций [24, р. 65–78]. Таким образом, когда дело касалось практических обязательств, круг родственных связей оказывался шире обычной нуклеарной семьи (что было оспорено М.Б. Свердловым, назвавшим «пережитком» упоминание племянника в

числе лиц, имевших право на кровную месть [19, с. 106]). Тем не менее, наблюдая за отношениями Рюриковичей, нужно отметить, что существовала определенная разница между ближайшими и дальними родственниками: отец и сын или два брата могли править совместно или возглавлять войска друг друга без дополнительных соглашений, как, например, Ростислав и Изяслав Мстиславичи. Чтобы дядя и племянник могли вдвоем занимать киевский стол, а также чтобы Изяслав мог присоединить к своему войску полк Вячеслава, им нужно было провести обряд, искусственно делавший их «отцом» и «сыном». Таким образом, можно выделить три круга родственников, отношения которых незначительно различались:

- 1) ближайшие: отец, брат, сын;
- 2) все принадлежавшие к единой княжеской ветви, например Мономаховичи, Ольговичи;
- 3) все относившиеся к правящей династии Рюриковичей.

Связь между князьями могла быть дополнительно усилена личным или групповым договором или отношениями свойства. При этом показательно, что риторика таких соглашений не менялась в зависимости от степени дальности родства [9, стб. 417–418, 452].

Наиболее болезненным для Рюриковичей на протяжении всего домонгольского периода являлся вопрос наследования: большинство конфликтов возникало в момент смерти князя, обладавшего могущественным столом, что связано с нечеткостью правил: в некоторых случаях его занимал младший брат, в других – старший сын. Последнее исследование К.С. Гвозденко и А.А. Горского показало, что за домонгольский период от двух третей до 84% (в зависимости от критериев подсчета) случаев приходилось на наследование по горизонтали, т.е. стол занимал старший в линии или в общем роду Рюриковичей родственник; но и случаи передачи по вертикали – старшему сыну – также встречаются на протяжении всего периода, причем распределены равномерно, т.е. нет тенденции замещения одной практики другой [25, с. 21–22]. В случаях выбора между этими двумя принципами принимались во внимание дополнительные обстоятельства, например, пожелания жителей городов, военная сила, политический авторитет. В каждой земле этот вопрос решался по-своему, а Киев и Новгород стояли особняком: в столице сталкивались интересы виднейших ветвей Рюриковичей, а республиканские порядки Новгорода позволяли ставить князьям свои собственные условия. Эти наблюдения показывают, что нормы и обычаи еще не были закреплены в виде правил и законов, могли свободно заменять

друг друга в зависимости от ситуации. Налицо горизонтальная направленность внутренних отношений Рюриковичей, при которой политический авторитет и личная инициатива князя служили решающим фактором в получении им желаемого статуса, т.е. семейные практики так и не были замещены государственной машиной.

Если обязательства охватывали значительное число родственников, в т.ч. дядей и племянников, то вопрос о том, насколько сильно отношения внутри семьи были основаны на иерархии, приобретал более существенное значение. Были ли обычаи в такой семье схожими с римским семейным правом *patria potestas* – неограниченной властью отца семейства над всеми домочадцами от сыновей до рабов, как это иногда пытаются представить, или, наоборот, отличались мягкостью? Для того, чтобы углубиться в эту проблематику, рассмотрим контекст летописных ситуаций, в которых поднимается вопрос о старшинстве, т.е. один князь называет другого «старшим» или, наоборот, «младшим».

Именованье другого князя «старшим» («старѣшимъ») в ряде случаев подразумевает признание военного и политического лидера, что в условиях постоянных конфликтов помогало выделить в запутанной системе родственных отношений Рюриковичей собственную группу союзников. «Старшим» мог быть близкий союзник, им мог быть и вчерашний враг. Самый известный пример такой ситуации – переход Ростислава Юрьевича к главному противнику его отца, Юрия Владимировича (Долгорукого), Изяславу Мстиславичу. Учитывая, что даты рождения Юрия и Изяслава, по видимому, не были далеки хронологически, Ростислав Юрьевич мог быть близок по возрасту сыновьям Изяслава. Переход Ростислава показан в летописи как неожиданный для союзников, причем Лаврентьевская летопись указывает в качестве причины недовольство молодого князя тем, что отец находился в союзе с Ольговичами. Прибыв к Изяславу Мстиславичу, он говорит ему: «зане ты еси старѣи нас во Володимирихъ вноуцѣхъ, а за Рускою землею хочю страдати и подлѣ тебе ѣздити» [9, стб. 367].

Ростислав называет Изяслава старшим в линии Мономашичей (потомков Владимира Мономаха), на что последний отвечает: «нас старѣи отьць твои, но с нами не оумѣеть жити» [9, стб. 368]. Очевидно, Изяслав указывает на то, что Юрий был сыном Владимира Всеволодовича (Мономаха), в то время как он сам – только внуком. Ростислав, однако, не мог не быть в курсе этих деталей, поэтому, вероятнее всего, под старшинством в своей реплике он

понимает политический авторитет. Летопись сообщает, что Изяслав дает Ростиславу города [9, стб. 367], что являлось еще одной функцией «старшего» князя (с этим требованием обращаются близкие родственники и к Всеволоду Ольговичу после того, как он получил киевский стол [9, стб. 311]). Повторно Ростислав называет Изяслава «старшим» в просьбе рассудить его с клеветником: «а ты мене старѣи, а ты мя с нимъ и соуди» [9, стб. 373].

В этой ситуации именованье «старшим» служило конструированию союза, выделению группы с единой целью в общей системе взаимодействия всех Рюриковичей. Как можно видеть, такое конструирование входит в противоречие с существующим родством, что успешно разрешается в княжеской дискуссии: изначально данное старшинство Юрия нивелируется его неумением жить в мире. Тот факт, что слово «старший» приобретает значение ‘обладающий большим авторитетом, военными преимуществами и политическими связями’, еще не говорит о его трансформации в государственный термин. Так как среди Рюриковичей не существовало жесткой системы, регламентировавшей наследование, горизонтальная направленность отношений позволяла отдельным лидерам перетягивать инициативу на себя, что и отразилось в формулировках договоров: Ростислав пришел к своему двоюродному брату, договорился о его поддержке, сохраняя при этом свою связь с отцом, а возможно, и способствуя завершению конфликта между ним и Изяславом – легкость подобного перехода обеспечивалась действием в рамках единой ветви рода Мономашичей. В договоре двух князей не прослеживается никаких элементов, близких вассально-ленным отношениям и выходящих за рамки семейных.

Ряд упоминаний княжеского старшинства охватывает те эпизоды, когда на один город претендуют несколько правителей и один из них или добровольно отказывается от борьбы, или же, наоборот, не желает покидать свой стол. Вячеслав Владимирович после смерти старшего брата Ярополка в 1139 г. занимает Киев, однако, узнав, что в его сторону движется Всеволод Ольгович, предлагает последнему отойти в Вышгород, чтобы он мог уступить Киев: «Вячьславъ противоу не изииде, не хотя крове пролияти, но створиса мнии и высла к нему митрополита, река ему тако: “иди опять Вышегороду, а язъ днесъ идоу въ свою волость, а то тобѣ Киевъ”» [9, стб. 303]. Летописец говорит, что Вячеслав «створиса мнии» («мънии»), то есть признал себя меньшим (младшим) по отношению к Всеволоду (как по-

ступил и его брат Ярополк с Ольговичами ранее [9, стб. 299]). Возраст князей был приблизительно одинаков, хотя по косвенным данным именно Всеволод мог быть младше Вячеслава. Очевидно, речь идет о политическом авторитете, спорить с которым Вячеслав не собирался, однако обратился с просьбой оформить собственное отступление достойным образом.

Еще один эпизод касается второго правления Вячеслава в Киеве, которое он осуществлял совместно со своим племянником, Изяславом Мстиславичем. После победы над Юрием Владимировичем, единокровным братом Вячеслава, он посылает к нему со словами, обосновывающими собственное право находиться в Киеве: «Дажь еси рекль “моложьшему ся не поклоню”, да се язъ тебе старѣи есмь не маломъ но многомъ, азъ оуже бородасть, а ты ся еси родиль. Пакы ли хочещи на мое старишинство поѣхати – яко то еси поѣхаль, да Богъ за всимъ» [9, стб. 430]. Здесь благодаря яркой детали «я уже был бородаст, когда ты родился» становится понятно, что Вячеслав под «старшинством» подразумевал именно возраст, а не политический авторитет. Слова Вячеслава направлены на мирное урегулирование последней фазы конфликта середины XII в., хотя финальная фраза является прямой угрозой военных действий. В этом диалоге входят в прямое противоречие отношения князей единой ветви Мономаховичей (среди участников ситуации были дядя и племянники) и отношения членов одной нуклеарной семьи, причем искусственно сконструированной: ранее Вячеслав и Изяслав (а затем и Ростислав) при помощи специального обряда стали «отцом» и «сыном» [9, стб. 399–400, 418–419], что позволило им находиться в Киеве и принимать решения вместе. «Вячеславъ же рече: “Оу тебе сыновъ семь, а я ихъ от тебе не отгоню, а оу мене одина два сына: Изяславъ и Ростиславъ, а инии моложьшии суть же”» [9, стб. 430], теперь он апеллирует к связям, сформированным этим обрядом, требуя их признания. Вячеславу пришлось разъяснить брату, что благодаря этому обряду его отношения с племянниками теперь уже не были ограничены только взаимодействием в рамках племени Мономашичей, а становились подобны тем, которые связывают ближайших кровных родственников, имевших возможность управлять землями вместе.

Интересно упоминание о «меньшем» родственнике в речи Юрия Владимировича, осадившего Мстислава Изяславича, своего внучатого племянника, во Владимире-Волынском. Юрий объясняет другому своему племяннику, Владимиру Андреевичу, что договорился еще

при жизни его отца о том, что город Владимир отойдет именно ему. Однако на месте, встретившись с ожесточенным сопротивлением, Юрий меняет свое решение, не желая проливать кровь: «онъ мнии боуда, не покорить ми ся, а язъ не радуся о погыбели его» [9, стб. 487], а затем предлагает отдать сыну Андрея другой город. Здесь обозначение «меньший» может подразумевать и возраст, и династический порядок. Показательно, что, как и во всех предыдущих ситуациях, упоминание о том, что один князь «меньше» другого, является составной частью мирной речи. Юрий не собирался продолжать осаду именно потому, что Мстислав младше его. Это обстоятельство показывает, что заинтересовавшая нас риторика использовалась в миротворческом контексте, а не в момент проявления агрессии или в споре о позиции в иерархии.

Это подтверждается и еще одним, более ранним примером: в 1096 г. молодой княжич Мстислав Владимирович советует Олегу Святославичу уладить миром его конфликт с отцом Мстислава, Владимиром Всеволодовичем Мономахом, причем это происходит сразу после того, как Олег убил в битве родного брата Мстислава, Изяслава Владимировича. Находясь в сожженном Олегом Суздале, он посылает к противнику, предлагая вернуть захваченную дружину, за что обещает его во всем «послушать», что подчеркивает их тесную родственную связь. Однако предложение Мстислава носит предварительный характер, так как финальное решение оставалось за Владимиром Мономахом: «яко мнии азъ есмь тебе, шлися ко отьцю моему» [9, стб. 228]. Таким образом, используя слово «меньший», Мстислав показывает, что предпринимает шаги в сфере компетенции старших князей, где его возможности ограничены.

Похожее высказывание можно встретить в другом эпизоде, где захваченный врасплох Глеб Юрьевич, наоборот, уклоняется от прямой ответственности за участие в конфликте, ссылаясь на свой статус младшего по возрасту князя. Он обращается к Изяславу Мстиславичу с такими словами: «ако мнѣ Гюрги отьць, тако мнѣ и ты отьць, а язъ ти ся кланяю, ты ся с моимъ отьцемъ самъ вѣдаеш, а мене поусту къ отьцю» [9, стб. 395]. Здесь вместо определения «меньший» используется родовая лексика: слова Глеба можно понять так, что в дела «отцов» он не вмешивается. В обоих случаях, заявляя о своей «младшей» позиции, княжич апеллирует к тому, что его противник также приходится ему родственником, однако Мстислав принимает в решении конфликта активное участие, а Глеб, наоборот, выбирает тактику избегания.

Любопытно, что позиция старшего подчеркивается и при принятии военных решений. Так, обсуждая через послов сложившееся положение, братья Изяслав и Ростислав Мстиславичи думают, как предугадать действия противника, Юрия Владимировича (Долгорукого), и Изяслав спрашивает, что бы сделал Ростислав, а тот в своем ответе подчеркивает, что, поскольку старшим является Изяслав, его решение и должно быть воплощено в реальность: «Ростиславъ же то отвѣща брату своему Изяславоу, рече: “брате, кланяю ти ся, ты еси мене старѣи, а како ты вгадаеши, а язъ в томъ готовъ есмь”» [9, стб. 365]. Этот эпизод в ряде исследований рассматривается как искусственно сконструированный в период правки летописи потомком Ростислава, Рюриком [26, с. 139–141]: сам факт того, что Изяслав спрашивает совета брата, представляется унижающим его достоинство, в то время как Ростислав показан чрезмерно благочестивым благодаря такому ответу. Однако, как можно видеть, ничего «принижающего» или «повышающего» достоинство одного из братьев в тексте нет, оба действуют в рамках семейного этикета, при этом летопись приводит и мнение Ростислава.

Итак, ни одна из рассмотренных нами ситуаций не выходит за рамки семейных взаимоотношений: старший князь решает вопросы военной стратегии, наделяет городами, судит, но при этом консультируется с «младшими», а те могут избежать открытого участия в конфликте, ссылаясь на свой статус. Важно, что определения «старший», «меньший» используются не для демонстрации власти одного над другим, и не в качестве подавляющего инструмента, а как часть риторики мирного взаимодействия: «меньший» – тот, против которого нельзя открыто выступать «старшему», а не тот, кто должен подчиниться ему, причем этот особый статус может помочь княжичу и в деле примирения полновластных правителей.

Коль скоро именно иерархия составляла важнейшее отличие феодализма, применение этого термина по отношению к домонгольскому периоду развития русских земель представляется необоснованным. В целом период до 1240-х гг. характеризуется мирным внутренним взаимодействием Рюриковичей. По всей видимости, «рост господствующего класса» был не настолько стремительным, чтобы усилить вертикальную составляющую, тому же служили и обстоятельства относительно благополучного периода внешнего мира.

При доминировании горизонтального взаимодействия элит и отсутствии жестких правил наследования и подчинения, получили развитие

договорные отношения, однако, учитывая вышесказанное, их функции, в отличие от западноевропейских образцов, были дополняющими, а риторика подчеркивала равные позиции обеих сторон: это касалось и договоров правителей, и соглашений между князем и городом. Княжеские договоры часто помогали разрешить кризисную ситуацию, формированию которой служили именно семейные связи всех участников.

Свидетельства древнейших русских летописей не подтверждают существования иерархии правителей в домонгольской Руси, которая бы выходила за рамки семейных отношений. Все князья были родственниками, носили один титул, легко заменяли друг друга на столах, правила наследования которых могли варьироваться. Именно эта неопределенность позволяла «искать» и «давать» старшинство как среди одной ветви, так и среди всех Рюриковичей [27, с. 265; 9, стб. 681, 686 и др.]. Характер отношений между родственниками и между союзниками отличался в зависимости от обстоятельств и выбранного типа лидерства наиболее авторитетного князя. В большинстве ситуаций их целью было укрепление горизонтальных связей и поиск баланса сил между могущественнейшими правителями. При таком устройстве управления землями поднятие вопроса об иерархии, о положении одного князя по отношению к другому было бы не только нежелательным, но и опасным для любого участника, именно поэтому подобного рода моменты сравнительно редки. Взаимодействия более авторитетных князей и их молодых последователей строились на основе покровительства и поддержки, а не господства и подчинения, терминология отвечает семейным, а не служебным категориям.

Список литературы

1. Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. М.: Типография Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1829. 457 с.
2. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. М.: Наука, 1988. 690 с.
3. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 126 с.
4. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции. Т. 3. М.: Типография Московского университета, 1846. 567 с.
5. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. 237 с.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 597 с.
7. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.

8. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русские имена половецких князей. М.: Полимедиа, 2013. 280 с.
9. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1998. 938 с.
10. Althoff G. Family, Friends and Followers. Political and Social Bonds in Early Medieval Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 195 p.
11. Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. С. 148–267.
12. Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь / Сост. А.Д. Кошелев, В.Я. Петрухин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 500–511.
13. Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 11–76.
14. Лавренченко М.Л. Термины родства в политической жизни Древней Руси // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 42–55.
15. Charles-Edwards T. Anglo-Saxons Kinship Revised // The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century / Ed. by J. Hines. San Marino: Boydell Press, 1997. P. 171–210.
16. Hermanson L. Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, c. 1000–1200. Leiden; Boston: Brill, 2019. 282 p.
17. Jussen B. Introduction // Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. P. 1–15.
18. Morsel J. Inventing a Social Category: The Sociogenesis of the Nobility at the End of the Middle Ages // Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. P. 200–243.
19. Свердлов М.Б. Семья и община в Древней Руси // История СССР. 1981. № 3. С. 97–108.
20. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.
21. Покровская К.Д. Берестяные грамоты как источник для изучения состава семьи в средневековом Новгороде // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 66–78.
22. Правда Русская. Т. 1: Тексты / Изд-е под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Акад. наук СССР, Ин-т истории, 1940. 505 с.
23. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 882 с.
24. Bremmer J. Avunculate and Fosterage // Journal of Indo-European Studies. 1976. № 4. P. 65–78.
25. Гвозденко К.С., Горский А.А. О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 14–23.
26. Мушар Ф. Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи // Ruthenica. 2011. Т. 10. С. 137–146.
27. Голяшкин Я.А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Рефераты, читанные в 1896 и 1897 годах. Издания исторического общества при Императорском московском университете. Т. 2. М., 1898. С. 211–285.

«SENIORITY» OF OLD RUSSIAN PRINCES – A MATTER OF POLITICS OR A FAMILY ORGANIZATION?

M.L. Lavrenchenko

In this article, the author applies to the long-standing issue of the correlation between the kin and the service matters in the Rurikids interaction of the pre-Mongol period. Despite the fact that feudal theory met with continual criticism since the 1980s, some of its aspects have become firmly established in the methodology of studying medieval Russia. Meanwhile, princes' relations does not provide convincing evidences of either the existence of a rigid hierarchy that goes beyond the intra-family relations of patronage and mutual assistance, or other elements that characterize feudal society. However many other details: the personal bonds of the relations, the importance of their ritual components bring these relations closer to European medieval counterparts. All members of the Rurik family were connected with each other, not only with their lord like in the vassalage type of interaction. The horizontal-oriented relations were predominant in the Pre-mongol period, they aimed at maintaining a balance of power between the individual branches of the Rurik dynasty.

Keywords: Old Russian princes, Old Rus', vassalage, kinship, kin-groups, social practices, ritual studies, Kievan Codex.

References

1. Polevoy N.A. History of the Russian People. Moscow: Publishing house of August Semyon, Imperial Medical-Surgical Academy, 1829. V. 1. 457 p.
2. Pavlov-Silvansky N.P. Feudalism in Russia. Moscow: Science, 1988. 690 p.
3. Karamzin N.M. A note on Ancient and New Russia in its Political and Civil relations. Moscow: Science, 1991. 126 p.
4. Pogodin M.P. Research, Remarks and Lectures. V.III. M.: Moscow State University Press, 1846. 567 p.
5. Sverdlov M.B. The Genesis and Structure of Feudal Society in Old Rus. Leningrad: Science, 1983. 237 p.
6. Spiritual and Treaty Letters of the Great and Appanage Princes of the XIV–XVI centuries. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union Publishing house, 1950. 597 p.
7. Pashuto V.T. Foreign Policy of Ancient Russia. USSR Academy of Sciences. Institute of History. Moscow: Science, 1968. 472 p.
8. Litvina A.F., Uspensky F.B. Russian Names of the Polovtsian Princes. Moscow: Polymedia, 2013. 280 p.
9. The Hypatian Codex. Complete Collection of Russian Chronicles. V. 2. Moscow: Languages of Russian culture, 1998. 938 p.
10. Althoff G. Family, Friends and Followers. Political and Social Bonds in Early Medieval Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 195 p.
11. Stefanovich P.S. The Prince and the Boyars: The Oath of Allegiance and The Right to Leave // Gorsky A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P.S. Old Rus. Essays on the Political and Social System. Moscow: Indrik, 2008. P. 148–267.
12. Nazarenko A.V. The Order of Succession to the Throne in Russia in the X–XII Centuries: Division of inheritance, Majorat, and Attempts to appoint an Heir (Typological Observations) // From the history of Russian culture. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. Vol. I: Old Rus / Ed. by A.D. Koshelev, V.Ya. Petrukhin. P. 500–511.
13. Pashuto V.T. The Traits of the Political Order of the Old Rus // Old Russian State and its World Relevance. Moscow: Science, 1965. P. 11–76.
14. Lavrenchenko M.L. Kinship Terms in the Political Life of Old Rus // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2020. № 3. P. 42–55.
15. Charles-Edwards T. Anglo-Saxons Kinship Revised // The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century / Ed. by J. Hines. San Marino: The Boydell Press, 1997. P. 171–210.
16. Hermanson L. Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, c. 1000–1200. Leiden; Boston: Brill, 2019. 282 p.
17. Jussen B. Introduction // Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. P. 1–15.
18. Morsel J. Inventing a Social Category: The Sociogenesis of the Nobility at the End of the Middle Ages // Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. P. 200–243.
19. Sverdlov M.B. Family and Community in Old Rus // History of the USSR. 1981. № 3. P. 97–108.
20. Presnyakov A.E. Princely Law in Old Rus. Lectures on Russian history. Kievan Rus. Moscow: Science, 1993. 635 p.
21. Pokrovskaya K.D. Birch Bark Letters as a Source for Studying the Family Composition in Medieval Novgorod // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2020. № 3. P. 66–78.
22. Russkaya Pravda // Ed. B.D. Grekov. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, Institute of History, 1940. V. 1: Texts. 505 p.
23. Zaliznyak A.A. Old Novgorod Dialect. 2nd ed., Revised, taking into account the material of the finds from 1995–2003. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. 882 p.
24. Bremmer J. Avunculate and fosterage // Journal of Indo-European Studies. 1976. № 4. P. 65–78.
25. Gvozdenko K.S., Gorsky A.A. On the Order of Inheritance of Princely Power in Ancient Russia // Russian history. 2017. № 6. P. 14–23.
26. Mushar F. Between Brother and Son: about the Image of Rostislav Mstislavich in the Kievan Chronicle // Ruthenica. Vol. 10. Kiev, 2011. P. 137–146.
27. Golyashkin Ya.A. An Outline of Personal Relations between the Princes of Kievan Rus in the middle of the 12th century. (in connection with the views of the generic theory) // Abstracts read in 1896 and 1897. Publications of the Historical Society at the Imperial Moscow University. V. 2. Moscow, 1898. P. 211–285.